

Ордена Дружбы Народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Российская ассоциация исследователей женской истории

Российский национальный комитет
Международной Федерации исследователей женской истории
Министерство образования и науки Российской Федерации
Северный Арктический федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

СИЛА СЛАБЫХ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОПОМОЩИ И ЛИДЕРСТВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

*Материалы Десятой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории и
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

7–10 сентября 2017 года, Архангельск

Том 3

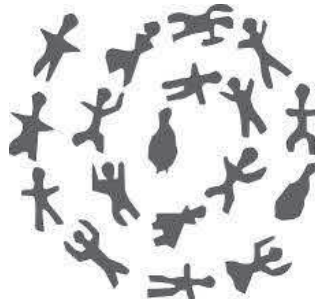

Москва
Архангельск
2017

ББК 60+63
УДК 396
С 36

РАИЖИ

ИЭА РАН

САФУ

Редколлегия:

Н.Л. Пушкарева (отв. ред.), Т.И. Трошина (отв. ред.)

С36 **Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем.** Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. 272 с.

ISBN 978-5-4211-0179-6, ISBN 978-5-8396-0524-7

Издание включает в себя материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), которая в 2017 году состоялась в Архангельске, на базе Северного (Арктического) федерального университета.

В сборник включены результаты исследований в области различных аспектов гендерных отношений, представленные социологами, историками, культурологами, лингвистами, литературоведами, философами, экономистами, антропологами, психологами и учеными, работающими в других направлениях социогуманитарных наук, а также практиками.

Материалы международной научной конференции позволяют составить представление о работе РАИЖИ и способствовать объединению усилий представителей гуманитарных и социальных наук во имя создания междисциплинарной научной структуры по изучению практик сотрудничества и коллективизма в прошлом и настоящем, актуализировать перспективные исследовательские поля в преодолении социальной изоляции и индивидуализма.

ББК 60+63
УДК 396

ISBN 978-5-4211-0179-6
ISBN 978-5-8396-0524-7

© ИЭА РАН, 2017
© САФУ, 2017
© Коллектив авторов, 2017

щины в традиционной общине. То есть, чаще всего начинает доминировать женская пассивная адаптация. Она ориентирована на выживание, а не на развитие или какое-либо кардинальное изменение общественной жизни. При этом женщины охотно принимают навязываемый дискурс несчастий «коренного населения» и гордости за то, что женщина руководит в безвыходной ситуации. Формируются объединения «руководящих» или социально активных женщин, которые, как правило, ограничиваются гордой констатацией своего статуса.

Для Гватемалы классическим примером опереточной роли женщины в качестве претендента на политическое лидерство является нобелевский лауреат Ригоберта Менчу, не получившая, в индейской стране, и двух процентов голосов при выдвижении себя на пост Президента страны. В абсолютном большинстве женщины-лидеры достаточно легко перекупаются и становятся выразителями интересов политиков-манипуляторов.

Следует отметить и такой феномен как выдвижение женщин в рамках дискурса «политкорректности». В таких случаях намеренно выдвигаются наиболее подчиняющиеся и обладающие лишь «представительскими» качествами кандидатуры.

Таким образом, выдвижение женщины в роли лидера, как правило, свидетельствует – и с точки зрения самоорганизации АС, и с позиций практического опыта – о неустойчивости и деградации системы в целом.

И.В. Ломакин

Москва, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики

«ПРЯМО ЗАСИЛЬЕ ЖЕНЩИН, ЗАСИЛЬЕ!» ЗАМЕТКИ ГЕНДЕРНОГО АНТРОПОЛОГА О МАЛОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Доклад в формате этнографических зарисовок фокусируется особенностях женской гендерной роли в малом провинциальном городе. Эмпирический материал для исследования собирался в рамках краткосрочных экспедиций. Идея представляемого исследования никогда бы не появилась без плодотворного сотрудниче-

ства автора с отделом образовательных программ ФОМ в рамках проектов «FOM-Labs» и «Заповедник».

Контекстом исследования стал город Солигалич (основан в 1335 г.), находящийся на самом севере Костромской области. Сегодня он насчитывает порядка 6000 человек населения (вместе с районом – около 9000). Исторически связанный с соловаренным промыслом, Солигаличский район и его окрестности после сильного ослабления соляного раствора и окончательного затухания промысловой деятельности стали родиной для большого числа отходников. Некоторые источники даже называли эти места «бабьим краем» – краем женщин, оставленных уехавшими на заработки мужчинами: Д. Жбанков писал в начале прошлого века о «паразитическом численном преобладании женщин над мужчинами».

Сегодня нужда снова, как и сто лет назад, заставляет мужчин уезжать на заработки в крупные города и столицу, а лес по-прежнему кормит тех, кто остается. По данным исследователей из НИУ ВШЭ, до половины трудоспособного населения Солигалича зарабатывает на жизнь отхожими промыслами. Причем, отходниками сегодня нередко наравне с мужчинами становятся и женщины – особенно, в центральных и южных областях России.

В самом же городе наше исследование выявило немало свидетельств культивации традиционно-патриархального гендерного порядка, в котором «мужское» и «женское» в своей репрезентации стремятся максимально далеко дистанцироваться друг от друга. Помимо прочего, этому способствуют и формы хозяйствования (в городе практически у всех есть личные подсобные хозяйства, а квартирные дома можно сосчитать по пальцам), и естественный для столь малого города уровень социального контроля, и все более нарастающий в городе «православный тренд» (сильные священнослужители и приходская община с достойным уровнем самоорганизации при минимальном экономическом ресурсе).

В первую очередь, заметной становится гендерная сегрегация в области профессионального труда. Учитывая, что спектр профессиональных траекторий солигаличан и без того является достаточно скудным, не удивительно, что присутствуют представления о «женской» и «мужской» работе, которые всячески дополняются на почве общегородского патриархального гендерного порядка.

Например, наши информанты связывали «женскую» работу с некоторым «творчеством», с «легкостью», «усидчивостью» и даже «бездельем» (!), в то время как «мужская» работа носила для них черты «деловитости», «серьезности», физической и просто деятельной «активности» (приведено на примере разговоров о профессии флориста; более подробно об исследованиях флористического рынка провинциального города.

Из полевого дневника О. Рожковой, 08.08.2015: *«Мы сказали, что город их нам понравился, а они предложили тут остаться. В шутку я сказала: «А почему бы нет? Кем у вас тут можно работать?» Ребята восприняли все серьезно и начали предлагать варианты – лесопилка, пилорама, известковый комбинат, техники. <...> Я сказала, что я девочка – «какие из меня механики или лесорубы?» Сергей поинтересовался, какая у меня специальность. Он впервые услышал слово «социология». И покачал головой: «Не, тут не найдешь работы». На том и расстались».*

Мы также фокусировались и на внешнем облике горожан: как в праздничные дни (например, день города), так и в будни. По данному направлению нами выделялась высокая гендерная дифференциация: одежда здесь определенно является одним из важнейших инструментов конструирования гендерной идентичности. Феминность конструируется через заметную – порой даже кажущуюся чрезмерной для будничных бытовых условий города – ухоженность женщин: на каблуках по практически отсутствующим тротуарам, в нарядных платьях, юбках (брюки и уж тем более брючные костюмы здесь встречаются крайне редко) и неизменно с укладкой. Что касается мужчин, то их внешние характеристики менее разнообразны. Так, многие вольно или невольно стремятся к соответствию известной гипермаскулинной формуле *«Ты права – я дикий мужчина. / Яйца, табак, перегар и щетина»*, некогда воспетой группой Ленинград: потрепанные (если не откровенно испачканные) черные кожаные куртки, джинсы и кожаные ботинки, единообразные короткие стрижки с отрошенной челкой или без, а также неперенное наличие вредных привычек. Несколько иначе выглядят некоторые «семейные» мужчины: они часто более ухожены. К слову, на стенде «Семейного клуба» в местном РДК, можно было найти следующее высказывание: *«При*

хорошем муже и жена хороша». Как его следует понимать в вышеописанном контексте – вопрос открытый.

Опыт проживания в семье священнослужителя (которая, безусловно, является лишь частным случаем солигаличской семьи) стал также интересным дополнением к гендерной картине изучаемого города. В данной семье присутствует четкое понимание авторитета мужчины-отца и мужчины вообще. Например, в дневниковых записях и здесь можно обнаружить отголоски представлений о «мужском» и «женском» домашнем труде и ритуалах. Мужчина заваривает чай, затапливает печь, а женщина – стирает, убирает. Во время праздничного (православное Рождество) застолья прикасаться к бутылке с шампанским (крепкий алкоголь в доме принципиально не держат) негласно мог только мужчина, а убрали со стола исключительно женщины. Вполне возможно, что подобный уклад является и следствием некоторых личных убеждений матушки: *«Я была уверена всегда, что мужчины намного умнее, намного выше, на ступеньки. Они сильнее, они умнее, они талантливее. Они должны заниматься тем, чем <...> хотят, женщина должна помогать. <...> Я не сторонница матриархата и эмансипации. <...> Преподавание. Я считаю, что преподавание – тоже. Почему-то не идут туда мужчины. И в колледже женщины. Прямо засилье женщин, засилье!»*

Тем не менее, описанные тенденции вполне соотносятся с некоторым эмпирическим материалом, собранным прежде коллегами-этнологами, отмечавшими женскую роль в «обеспечении “материальной” стороны гуляния», мужскую же – скорее связанную с обеспечением некоторых символических элементов праздника, а также с приготовлением и распространением алкогольных напитков.

Более того, немало в общую картину города может привнести и гендерный анализ художественных произведений и, в частности – стихотворений местных поэтов. Основная масса этой поэзии посвящена, что нетрудно догадаться, краеведческой тематике – родному краю. Однако у солигаличских поэтов имеется и весомый пласт поэзии, в той или иной мере посвященной гендерным взаимоотношениям [например, Кусов 2009; Под родными звездами... 2010; Я этим городом живу... 2015].

Женщина в этих произведениях часто выступает как обобщенный образ героини-матери («*Матерям поклонитесь, дети России...*») и как близкий человек, мама («*А мама в беленьком платочке / Мне машет вслед издалика...*»); как объект восхищения («*Богиня моя, богиня! / Я на тебя молюсь!*») и как источник тоски («*Скоро я забуду, скоро оттоскую, / По тебе любимой, милой, дорогой...*»). Есть и отдельная – пожалуй, наиболее интересная, пусть и небольшая – линия, сатирически высмеивающая власть женщины над мужчиной и, одновременно, ее, якобы, самоотверженность и готовность терпеть все «мужские пороки»: алкоголизм, несогласованные с семьей траты общих денежных средств на выпивку и развлечения, измены. Вот лишь небольшой пример из стихотворения Евгения Кусова «Молитва» [Кусов 2009: 58]:

Творец всевидящий и милый,
Смиренья дай мне на года...
Но только не давай мне силы
Прибью ведь гада я тогда!!!

Итак, нами рассмотрен ряд гендерных особенностей малого провинциального города, обнаруженных в ходе полевой работы. Патриархальный гендерный порядок города складывается и самовоспроизводится множеством локальных гендерных режимов, формируя замкнутую экосистему, в рамках которой существует и взаимодействует друг с другом городское сообщество, социализируются новые его члены.

М.В. Ломоносова, А.А. Савельева
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ЖУРНАЛ «РАБОТНИЦА» 1917–1918 ГГ. СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ П.А. СОРОКИНА

Примечательно, что 100-летие Русской революции 1917 года фактически совпадает со 100-летним юбилеем журнала «Работница». Несмотря на то, что формально несколько номеров журнала вышли в свет еще в 1914 г., именно в 1917 г. произошло возобновление его издания и перерождение в хорошо знакомый многим читателям Советского Союза еженедельный журнал. Однако, не толь-